

ГЛАВА 3. ВОСПОМИНАНИЕ ВТОРОЕ. ЗЛАЯ ЛЮБОВЬ

Все началось на кинофестивале «Лики любви» — еще одном фестивале среди многих других, выросших, как грибы после дождя, на карте нашей страны в знак возрождения отечественной киноиндустрии. Но, годами прогибаясь под напором наглеющего рынка и звереющего капитализма, наш кинематограф уже настолько адаптировался к современным условиям, что временами опускался до совсем недостойных ухищрений, которые, с точки зрения создателей, должны были привлечь зрителя и обеспечить прокат. Вот и этот новенький фестиваль всеми силами стремился не отстать от волчьей стаи нашей «фабрики грез». Поэтому можно было совсем не удивляться, что на фасаде главного кинозала, где проходило открытие и закрытие фестиваля, торжественно красовался плакат: «Смотрите самый скандальный фильм о прекрасном». И название фильма соответствующее — «Незабываемое тело». Толпы зрителей, несомненно, бросятся смотреть, купившись на такую аппетитную зазывалку. Ну что за прелесть! «Скандальный фильм о прекрасном», а еще можно — «Сенсационное чувство», или, скажем, «Грязное белье любви» и т. д., список можно дополнять бесконечно, отталкиваясь от вкусов не лучшей части населения.

Максим был приглашен сюда в качестве гостя и даже номинанта на приз за главную мужскую роль в конкурсном фильме, в котором недавно отснялся. Приза в этот раз Максим не получил, но был замечен и членами жюри, и публикой как очень перспективный молодой актер, которого, судя по всему, ждет блестящее будущее.

В первый же вечер она с ним и познакомилась. Тут познакомились все со всеми, строились совместные планы, которые никогда не выполнялись, намечались новые кинопроекты, которые умирали здесь же, едва родившись. А после хорошей дозы алкоголя все перспективы становились радужными, внушали уверенность в том, что замыслы вполне осуществимы. А завтра — лишь бы до пива добраться или хоть чем опохмелиться... Максим приехал в шесть утра на поезде и сильно удивился, что в гостинице все бодрствуют, ходят по коридорам, громко разговаривают. «Что они все так рано встают?» — наивно предположил Максим, но уже через полчаса понял, что все эти люди не встали рано, а еще и не ложились. В круглосуточном кафе на четвертом этаже Максим, ведущий здоровый образ жизни, решил приобрести себе что-нибудь на завтрак: кисломолочные продукты, какие там найдутся. В крохотной очереди из двух человек перед ним стоял артист с очень знакомым лицом. В колоссальном количестве фильмов он фигурировал на вторых-третьих ролях, и лицо его было знакомо всем. Лицо — да, фамилия — нет. Этот скромный труженик боль-

шого экрана был смертельно пьян, но хотел еще. Он подошел к буфетчице и попытался посмотреть на подфетчицу. Он подумал, что для этого надо поднять глаза и сфокусировать на ней взгляд. Не вышло. Глаза не поднимались. Он безуспешно манипулировал бровями, вздергивая их вверх. Брови поднимались, а глаза — нет. Тогда он догадался, что можно поднять всю голову, не только брови, и глаза как раз окажутся на нужном уровне. Вскинув голову и едва при этом не упав назад, он взглядом все же настиг буфетчицу и сказал: «Быстро-быстро-быстро...» Она не поняла, и тогда он сумел вымолвить нужные слова: «Сто грамм — быстро-быстро...» Тогда она объяснила, что у них в буфете водки нет, но ресторан сейчас, в семь утра, опять откроется. Закрылся в шесть, а в семь снова будет работать. Артист стоял, переосмысливая информацию, а Максим в это время приобрел кефир и прочие продукты и стал по лестнице спускаться к себе, на третий этаж. За спиной он услышал какую-то возню и обнаружил, что следом за ним по той же лестнице спускается тот самый артист, не достигший в буфете своей цели, но стремящийся к ней неотвратно и упрямо. Он спускался и разговаривал сам с собой.

— Ну-у, фестиваль! — бормотал он угрюмо. — Во-о фестиваль! — Дальше послышалось шуршание. Максим глянул. Артист рылся в своем бумажнике и процесс этот сопровождал комментариями. — Хорошо еще, деньги есть, — заканчивая ревизию средств, произнес он.

А потом произнес фразу, немыслимую в другой стране. На Каннском фестивале, да еще в этом контексте, она была бы столь же абсурдна и невероятна, как, скажем, словосочетание «толстый стайер». Закончив шуршать со словами «хорошо еще, деньги есть», он пять секунд помолчал, а потом уверенно произнес:

— А щас и здоровье будет!

Однако я немного отвлекся. Речь ведь идет о самой сильной, коварной и разрушающей любви Максима Зябкина, который в ту пору еще не обрел своей нынешней, известной всем фамилии — Зимин. И псевдоним Буратинов рассматривался значительно позже, когда жизнь перестала казаться столь уж серьезной, чтобы не относиться к ней со спасительным юмором.

Знакомство произошло по ее инициативе. Была премьера его фильма, и был успех — и у группы, и непосредственно у Максима, который в своей роли безусловно был хорош, красив и талантлив, поэтому смело можно сказать — блеснул. Кем она там была, на этом фестивале, какие функции исполняла — неизвестно: скорее всего, состоя-

ла в оргкомитете или работала в администрации. Серьезному Максиму всегда нравился ни к чему не обязывающий флирт с красивыми девушками. Флирт, который не имел продолжения, но представлял собою такую чудесную игру, что-то предварительное; многообещающее кокетство, в котором некоторые женщины не имеют себе равных. Перед фильмом было представление группы, которая собралась за кулисами и ждала приглашения к выходу. А она стояла чуть сбоку и все время хитро поглядывала на Максима. И он вступил в игру. Ах, лучше бы он этого не делал! Он сделал шаг в сторону, приблизился к этой красивой девушке с такой стройной фигурой, таким милым лицом и с такими смеющимися глазами и, глядя на нее в упор, задал только один короткий вопрос: «Да?» Небанально, не правда ли? Девушка оказалась на уровне, ответив тоже предельно лаконично и тоже в упор глядя на Максима: «Может быть...» На этом они и расстались, Максим пошел на сцену. Но расставание оказалось совсем недолгим. По окончании фильма, после того, как утихли аплодисменты, Максим вновь увидел за сценой ее. С цветами. И улыбкой на чрезвычайно привлекательном лице. Она подошла, протянула букет и сказала:

— Знаете, Зимин, отчего у вас всегда такое мрачное лицо и такой независимый вид? Дело в том, что у вас нет настоящей любовницы... И никогда не было... Так, одна шваль. — Она выделила интонационно слово «настоящей» и, предупреждая следующий вопрос — «С чего вы это взяли?» — объяснила: — Я за вами давно слежу и многое о вас знаю.

Чем окончательно смутила давно уже не смущающегося артиста. И он пригласил ее тем же вечером отужинать с ним в ресторане. И это была его вторая ошибка...

За ужином он рассмотрел ее получше. Молодая, очень, как говорят в народе, манкая женщина с глазами испуганной лани, с тонкой, беззащитной шейкой, на которую красиво падали длинные светлые волосы. Такому облику ее выбор основного блюда не соответствовал, более того, нарушал гармонию. Диссонанс усугублялся еще и тем, что девушка носила нежное и трепетное имя Джульетта, хотя и просила называть себя просто Юлей. А из еды Джульетта, оказывается, предпочитала плохо прожаренное мясо. С кровью! Но это Максима не насторожило. Она оригинально мыслила и разговаривала так, что была совершенно не похожа на других женщин, с которыми артисту Зимину приходилось общаться (или флиртовать) до сих пор. И все, что она говорила,

и то, как улыбалась, как себя вела — убивало в Максиме любые попытки быть с ней независимым. Да он уже и не пытался, совершенно не сопротивляясь растущей симпатии к новой знакомой. Уж если такая женщина захочет понравиться — то она понравится, будьте уверены!

— У меня губы знобят от шампанского, — сказала она после двух бокалов. А после третьего сообщила, что у нее «сердце кружится». И так посмотрела, что у бедного Максима, уже очарованного совсем, его собственное сердце ухнуло куда-то в желудок, и образовавшийся вакуум в

груди сильно удивил артиста, не знавшего до сих пор симптомов подступающей любви.

И так было в течение всего ужина. Она с истинным волчьим аппетитом поглощала кровавое мясо, в то же время нежно обольщая свою жертву. Но вдруг в конце трапезы окатила Максима холодным душем, и хоть он и пытался сохранить иронию и достоинство, поддерживая этот странный диалог, похожий на фехтование, давалось ему это с трудом.

— Знаете, Максим, я передумала. Не связывайтесь со мной. Я такая сволочь!

— Ничего, я тоже сволоху...

— Не надо ничего. Я вас измучаю и брошу. Когда-то я страшно любила и страшно ошиблась. И теперь у меня внутри холодно и пусто. Я не способна любить. У нас нет будущего...

— Не говорите за меня. У меня есть будущее!..

— А у меня — прошлое, — сказала Джульетта, и ее прекрасные глаза увлажнились, чтобы придать сцене мелодраматический флер. То есть сказала сквозь слезы, но могла бы — и сквозь зубы, имея в виду всю горечь пережитого. — Так что не связывайтесь со мной. Я вас предупредила, — еще раз сказала Джульетта, поднимаясь из-за стола.

— Да я не собирался, — ответил Максим, из последних сил сохраняя лицо.

— Вы врете!

— Наверное, — окончательно сдался он.

— Не провожайте меня. Я не хочу.

И она ушла. Вот так нашего героя и накрыла первая любовь. Фактически первая, так как он до того ни разу не попадался...

Он понятия не имел, где и как ее найти, но через неделю, уже в Москве, она позвонила сама. Она-то знала, где найти еще не совсем растерзанное сердце своей новой жертвы. И они встретились вновь. Максим не смог отказаться, потому что их первая встреча не была для него каким-то тривиальным приключением. Он влюбился, хотя пока не понимал, насколько сильно и серьезно. Говорят, бывают разные категории любви — от страсти до песенной формулы: «Наша нежность и наша дружба сильнее страсти, больше, чем любовь». Это, наверное, тогда, когда любовь переходит в фазу спокойствия и стабильной, ровной привязанности. В нашем случае — безусловно страсть, несомненно костер, который она успела за одно лишь свидание разжечь в неопытном сердце Максима, а потом — не погасить, нет, лишь слегка притушить, про запас, и тлеющие угли только и ждали нового топлива, чтобы вспыхнуть еще более ярким пламенем. Юля-Джульетта умела так поговорить, даже по телефону, что мужчина с воображением, фантазер и романтик, попадал в такой безжалостный плен, что не мог оттуда вырваться безнаказанно, сбежать. Не мог! Пока она сама не отпустит, пока костер, лишенный нового топлива, не догорит сам, пока угли не погаснут и не превратятся в седую золу.

Ну, представьте только себе, как она закончила телефонный разговор с Максимом! О-о! Не всякая женщина так заставит думать о себе, о своей последней фразе — мол, что бы это значило? Что она хотела этим сказать? Думать еще

несколько часов, суток, недель! Юля, резко перейдя от парламентарных отношений к телефонному — пока — интиму, прошелестела в трубку: — Я тебя целую...

Обертонов было — не счастье!

И добавила то самое, роковое:

— А вот нежно или страстно, я еще не решила... А?! Каково?! И отбой! Все! Погибель! Падение в любовный омут! Еще медленно, но уже набирая силу — началось!

Они стали встречаться. И Джульетта, демонстрируя вопиющее целомудрие, сравнимое разве что с целомудрием шекспировской тетки, все время ограничивалась поцелуями, которые она сама квалифицировала как нежные. Но не страстные! Распаленный артист каждый раз пытался пойти дальше, но столь желанное тело девушки было настолько недоступно, что, можно даже сказать, доступа не было вовсе. Граница была на замке, и длилось это уже довольно долго. Но хитрая обольстительница, обремененная своим немаленьким опытом, прекрасно понимала, что долго держать влюбленного на голодном пайке — жестоко (впрочем, когда это ее останавливало?), а главное — глупо: он может перегореть. Надо было доводить роман до художественного апогея и неожиданного, драматического окончания.

И вот наступил день его рождения. Как и юбилей сегодня, но пятнадцать лет тому назад. И спектакль у него был в этот день. И она явилась на спектакль неожиданно, он не заказывал пропуск. Напротив, она ему соврала, что занята, сегодня не придет, но, мол, заранее его поздравляет. А сама тайком пришла. Инкогнито. С цветами, как в тот день на фестивале, когда они познакомились. Мало того, с такими же цветами, что и тогда: нарциссами. Сюрприз. Он спросил позже — отчего такой странный выбор? С чего, мол, она взяла, что это его любимые цветы? На что получил ответ, что подарила не потому, что любимые, а потому, что считала его самовлюбленным нарциссом с амбициями гладиолуса или даже эдельвейса. Но когда стали встречаться, она убедилась, что это не так, она ошиблась. А сегодня попросту решила напомнить ему об их первой встрече. Думала, что он будет тронут таким знаком внимания. Однако не считала цветы подарком ко дню рождения, ею было припасено другое, то, чего он давно ждал.

Они отошли в сторону, подальше от служебного входа. И тогда она поцеловала его. Уже не просто нежно, как могут целовать родственницы, а долго и глубоко. Отличный, веселый писатель

ГЛАВА 4. ПЕВИЦА

А. Кнышев как-то пошутил, что поцелуй — это стремление найти общий язык. Лучше не ажжешь! Так и было. Когда они оторвались друг от друга, Максим едва скрыл головокружение, а она, адресуя фразу себе (но, конечно же, не только себе), полуотвернулась и глухо произнесла:

— Все-все, Юля, Ю-у-уля! Все! Пора кончать. Надо что-то делать. — И ему — серьезно и решительно: — Слушай, что тебе подарить на день рождения?

— Себя, — не задумываясь, выдохнул Максим.

А она, словно ждала именно такого ответа, сказала:

— Поехали!

И они поехали.

А потом... Ну, что потом... Три недели непрерывного счастья. Первый серьезный опыт физической близости с женщиной, в которую, как ему кажется, он без памяти влюблен, — это для молодого мужчины, как правило, учеба. Такой первый опыт случается часто с женщиной несколько старше. Она мягко подсказывает ему — даже не словами, а позами, жестами и ласками, — как с нею надо обращаться, чтобы и она получала эротическую радость от их альковных взаимоотношений. Случайные, кратковременные связи с девушками, нацеленные на быстрое самоудовлетворение, не оказывали никакого серьезного влияния на жизнь такого серьезного и порядочного мужчины, как наш герой. Он всегда чувствовал, что чего-то главного не хватает. А не хватало ему вот такой сильной, глубокой страсти, когда всем сердцем, а не чем-то другим, более низменным, желаешь, чтобы женщине рядом было с тобой хорошо. Теперь он, на свою беду, эту страсть обрел и ежедневно получал необходимую ему дозу сексуального наркотика, попав тем самым в тяжелую физиологическую зависимость от партнерши по любовным играм. Ничто предыдущее и будущее (он был в этом уверен) не может и не сможет сравниться с таким экстазом адской силы с Джульеттой, когда так хорошо, что даже больно. И поэтому такая зависимость принесла Максиму тяжелейшую травму, от которой он очень долго не мог оправиться. Именно эта почти рабская зависимость, а не сама Джульетта, любившая сырое мясо убитых животных, привела его к такой ломке, таким мукам, которые последовали за их разрывом.

Пока Максим наслаждался дурманом ее избрательных ласк, она готовила эффектный финал. Но перед тем, как его исполнить, надо было кое-что решить. И, значит, происходило следующее...

На неоднократные в те безумные недели предложения Максима выйти за него замуж Юля неизменно и довольно загадочно отвечала:

— Подожди, милый, еще не время. Для меня в жизни может наступить перелом, и тогда я тебе отвечу...

А это «кое-что» было совсем другое, никак не связанное с матримониальными притязаниями артиста. У Юли были насчет своего будущего совершенно противоположные планы.

Мы ведь о ней, как и Максим, абсолютно ничего не знаем: кто она, откуда, чем занимается? Ровным счетом ничего, кроме того, что она феноменальная любовница и безжалостная охотница на мужчин.

Джульетта с давних пор мечтала стать певицей и в конечном итоге стала. Не очень известной, не слишком популярной и даже не слишком-то певицей. Но мало ли у нас на эстраде певцов и певиц, которые вообще не поют? При наличии определенных инвестиций любую пустышку можно сделать звездой, это всем известно. А уж спонсора или инвестора Джульетта нашла бы без труда, с ее умением привлекать мужчин. Вначале она была бэк-вокалисткой (то есть на подпевках) у знаменитой еще в Советском Союзе певицы, которой удалось выжить и уцелеть в тяжелых, ураганных условиях перестройки. Она продолжала выступать и гастролировать со своей группой, и Юля вместе с ней. Но потом, как это нередко бывает с бэк-вокалистками, Юля решила заняться сольной карьерой и прежде всего стала думать о своем эстрадном образе. В то время, как и теперь, на сцене выступали певицы с диковинными именами, представляющими собой некую эстрадную кличку — Глюкоза, Акула, Анестезия и т. д. Джульетта, будучи девушкой, обладавшей и цинизмом, и юмором, подумывала о том, чтобы взять себе сценическое имя Вагина, но при дальнейшем размышлении решила, что это все-таки слишком дерзко, хотя ворваться в наш шоу-бизнес с таким именем — элементарно. Попытка модифицировать простое имя Джульетта — не получилась. «Джуля», например, вообще звучало как-то по-собачьи. «Джулия» — тоже недалеко, да и Джулия Робертс уже есть. Надо непременно, чтобы звучало эпатажно. Если «вагина» — слишком, то, допустим, «ангина» — вполне умеренно, но вместе с тем и пугающе. Решено было стать певицей Ангиной. Тем не менее карьере имя не способствовало, как Юля ни старалась и с премьерным хитом, и с

ротацией на радио, и с клипом для ТВ. Ну, как-то не пошло... И все же — все же шанс подвернулся. Фестиваль «Сан-Ремо» в Москве. Выступали все наиболее известные итальянские певцы, кроме Челентано, который, как известно, избегает авиaperелетов. Итальянские песни были переведены на русский язык, и главная изюминка концерта состояла в том, что итальянский солист пел вместе с русским. На двух языках, по очереди. Дуэты часто были неожиданны и обаятельны. Юле удалось пробиться в этот концерт и спеть песню Джузеппе Романо вместе с автором. Пришлось все же уступить требованию продюсеров изменить имя для представления номера.

— «Ангина» — никак не покатит, — убеждали они. — На один раз можешь и отказаться. Будь в этом выступлении, ну, хотя бы Джулией, хотя нет, так само по себе будет по-итальянски. Значит, давай как-то поближе к отчизне. Будешь в этом концерте, скажем, «Жар-птицей»... Хотя нет, у нас в шоубизе одна жар-птица, это Киркоров... Или так, давай по-простому — Вятка. Замечательно! Певица Вятка.

Вот так и вышла на сцену Кремлевского дворца певица Вятка с певцом и автором доброй дюжины шлягеров, известных во всем мире, — Джузеппе Романо. Вышла не просто так. Как было и договорено, он вызвал ее во время концерта из первого

ряда, будто первую попавшуюся девушку-поклонницу, которая по счастливой случайности знает его песни на итальянском языке и, более того, кое-что сама перевела на русский — разумеется, из-за пламенной любви к его творчеству. И она, вся вспыхнув от смущения и якобы неожиданности, подала ему руку из первого ряда (место обеспечил предыдущий спонсор, владелец мясокомбината и сети продовольственных магазинов «Колбасочка»; он же, кстати, и проплатил «внезапный» концертный сюрприз) и пошла на сцену петь со знаменитым итальянцем. Джузеппе — импозантный пожилой мужчина с эффектно уложенной копной черных волос, в которой красиво смотрелись седые пряди, намекающие на непростой и не всегда благополучный жизненный путь маэстро; с большими, выразительными глазами цвета кофе с молоком, снабженными к тому же неправдоподобно длинными ресницами; свежей, вне возраста, матового оттенка кожей и очень маленьким ртом, которому следовало бы при такой внешности быть чуточку больше, — нежно прижал девушку из первого ряда к своему, как всегда, безупречному костюму и расстегнутой на две верхние пуговицы рубашке, от которой ощутимо, но в меру пахло мужскими духами «Тьерри Мюглер». Так что быть прижатой к такому восхитительному фасаду было в этот раз не только полезно, но и приятно. Джузеппе начал песню. Первый куплет на итальянском языке. Дальше настала очередь Джульетты-Вятки, и она пропела свой куплет, застенчиво потупив глазки, которыми все-таки два раза — а больше и не надо — выстрелила в лицо любвеобильного итальянца, и он уже на втором куплете своей песни начал строить планы относительно этой чудесной русской девушки. Дальше был музыкальный проигрыш, и они продолжали медленно двигаться, не отрываясь друг от друга. Джози, как называли Джузеппе его друзья, прошептал в лицо партнерши, пока что — только по пению:

— Вятка, я лублу тьебья, — не забывая, впрочем, и о микрофоне, чтобы и зал это слышал.

Зал услышал признание и взревел. Она смутилась сильно, мило и трогательно, тоже не забыв отвернуть личико в сторону зрительного зала.

Смущение, однако, не помешало ей в тот же вечер смущенно постучать в двери его гостиничных апартаментов. (Стоит ли говорить о том, что Джози успел по завершении концерта пригласить ее к себе, назвать гостиницу и номер и предусмотрительно распорядиться, чтобы охрана и администрация не препятствовали проникновению в его номер русской певицы, которая учится у него маэстрству.)

Итак, она — опять-таки смущенно — поступала. Вообще-то Юля заранее решила сделать смущение главным козырем в любовной игре с многоопытной в таких играх звездой. Это с бедным Максимумом она избрала своим оружием оригинальную наглость. А тут... Тут надо было по-другому. И не очень трудно, поскольку смущение было ее основной и любимой фишкой, всегда приносившей ей удачу. Козырная карта, работающая гораздо лучше, чем, скажем, слезы, или, допустим, тихая истерика, или, того хуже, похотливость...

Очень многие мужчины покупаются на смущение. Наличие смущения в девушке предполагает в ней такие почти забытые качества, как стыд и, смешно сказать, верность и порядочность, что, в свою очередь, позволяет мужчине надеяться на то, что его не обманут.

Но знаменитый красавец-музыкант был слишком искушен в женских приемах, чтобы слепо повестись на один из них, то есть на смущение. Искушенный певец не искусился, и искусительница в конечном итоге осталась ни с чем.

Но в гостинице все было здорово и казалось многообещающим. Когда Джузеппе узнал, что настоящее имя Вятки — Джульетта, он был совершенно очарован, ну как же — филиал Италии в патриархальной Москве! Он так обрадовался, что и Юля воспылала надеждой. А дальше — высоким стилем низкой литературы — безумная любовь, полная страсти и огня! Любовь ненасытная и неугасимая! Страсть испепеляющая! Чувства — всепоглощающие! Но... как оказалось, всего на один месяц, к концу которого «безумная страсть» итальянца постепенно испарялась и превращалась в разумную холодность. А сама Юля из, как она мечтала, невесты превратилась в банальную телку для краткосрочной забавы поп-идола. Красивейшие песни про любовь писал он, волшебные мелодии рождались в его голове, однако над самой любовью он мог жестоко посмеяться или, как поется в одной эстрадной песне, «растоптать цветы». Погубил все призрачные надежды Джульетты на счастье в браке со знаменитым автором-исполнителем. Эти надежды быстро испарились в утреннем тумане Средиземного моря после месячной идиллии на его яхте с чудесным названием «Изабель», названной так, скорее всего, в честь одной из его бывших подруг. Через неполный месяц красивого и свободного плавания она была высажена в ближайшем порту после неконструктивного диалога с легкомысленным макаронником, использовавшим «подлинное» чувство для удовлетворения тщеславия и похоти и оценившим красивую женщину не выше ежедневного спагетти!

— Низкий, грязный макаронник! Чтоб тебе по-давиться своим спагетти и захлебнуться кьянти! — орала она ему во время финального выяснения отношений.

Когда слезы и мольбы не помогли, Юля без паузы перешла на прямое хамство, став при этом сразу вульгарной и некрасивой. Куда подевалось первоначальное смущение! И Джози с удовольствием отметил про себя, как он не ошибся, как правильно оценил эту женщину, что поступил с ней именно так, как она заслуживает. Месяца для одного и того же смущения, переходящего в явные претензии на официальный брак, ему вполне хватило. Правда, при посадке с яхты она получила в качестве компенсации десять тысяч евро и его авторский диск в подарок. Джузеппе решил, что этого для сезонной шлюхи более чем достаточно. Сходя по трапу, нежная и застенчивая Джульетта оглядывалась и материлась так, что портовые грузчики, если бы смогли перевести все это на французский язык, позавидовали бы недостижимому для них совершенству матерной фразеологии. А ее вчерашний кумир Джузеппе только смеялся, глядя ей вслед.

Что ж, и она когда-нибудь должна была нарваться на симметричный ответ от кого-то, должна была по справедливости заплатить за душевные травмы многих и многих измученных ею мужчин. Она ведь с несвойственной себе наивностью полагала: если многие наши эстрадные звезды каждую следующую свою жену делают профессиональной певицей и прокладывают ей дорогу в наш удивительный шоу-бизнес, чем она хуже?! Ведь великий Романо способен сделать ее даже не русской, а итальянской звездой, и она потом уже в этом качестве триумфально вернется на родину...

Таков был план, который вызревал в ее вероломном сердце и порочной душе, когда она все не отвечала на предложения руки и сердца от влюбленного Максима, все тянула, а сама в это же время встречалась с итальянцем, надеясь с его помощью построить свою карьеру. И дождалась... приглашения на яхту, предложения — не жениться, нет! — а совершить морское путешествие. И когда дождалась, приняла решение сыграть ва-банк и порвать окончательно все отношения с Максимом. Для этого она выбрала невероятный финал, точнее, не выбрала, а придумала. Вполне в духе Миледи из знаменитого романа. Вероломно, иезуитски и с изрядной долей садизма, без малейшей жалости к объекту пытки. Чтобы вначале дать шанс, а потом обрушить все и красиво покинуть это кладбище надежд, гордо и улыбочиво шагая по развалинам его любви. Она складывала в голове

живописный сценарий и соответствующую ему яркую и неожиданную прощальную ноту в виде, например, предельно наглого секса в общественном месте.

Отплытие на Джузепповой яхте было назначено буквально на завтрашнее утро, и поэтому подводить черту в отношениях с Максимом надо было накануне вечером. Юля сама пригласила его в их любимое кафе под названием «Маэстро», в котором и намеревалась сыграть свой прощальный ноктюрн, или — выразимся еще поэтичнее — свою симфонию расставания, или — еще круче — реквием любви.

Черного юмора и цинизма в девице Юле было предостаточно. С хитрой улыбкой на лице она спросила Максима после окончания трапезы:

— Скажи, Макс, а у вас в театральном между студентами ходили такие гадкие шутки?..

Она помолчала...

— Какие? — любопытно спросил герой своего романа.

— Ну, переделки песен, стихов, глумление над классиками... и вообще...

— Например?

— Вот над Шекспиром, например. Помнишь эпилог трагедии «Ромео и Джульетта»?..

— Ну да, конечно, это все помнят: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте».

— А такую смешную, но довольно пошлую переделку не знаешь?

— Нет. Я, видишь ли, учился и рос в довольно целомудренной среде...

— Ладно, я тебе попозже продекламирую. А сейчас я хочу тебя... Хочу так, чтобы медленно. Пошли быстро в туалет...

Народу в кафе было совсем немного, и обе туалетные кабинки были свободны. Они заперлись в одной из них, и Юля-Джульетта, сев на крышку унитаза, быстро и судорожно стала расстегивать ему брюки. Максим попытался поднять ее, но она заставила его стоять, после чего произошло то, чем они не занимались никогда; у них до этого все делалось способами консервативными, унаследованными от многих поколений отцов и дедов, бабушек и прабабушек. Максиму и Юле этого было вполне достаточно для глубокого удовлетворения. В тонкостях орального секса, который за последние десятилетия обрел лидирующее положение в половой жизни страны, Максим разбирался мало, да и необходимости такой не было, но сейчас он получил такой невообразимый экстаз, что был просто потрясен. Поэтому эякуляция (или, как в народе говорят, оргазм) случилась быстро

и сильно. Настолько, что правильнее было бы это назвать семьянвержением. Юля, вытирая губы розовым платочком и улыбаясь в почти перепуганное лицо Максима, сказала:

— Ну вот. Теперь хорошо. А сейчас вернемся к столу.

Она открыла дверь и увидела совершенно неожиданно, что возле их туалета топталась пожилая женщина. Другая кабинка была, наверное, тоже занята. Юля, смеясь, выскочила из туалета и побежала в зал. За ней вышел Максим и, увидев тетку, покраснел до лба и волос. А у тетки сделались такие глаза, будто она увидела змею с человеческим лицом и в костюме. Она попыталась взвизгнуть, но сама закрыла себе рот обеими руками. Максим бросился в зал вслед за Юлей. Потом сел за их столик с таким чувством, будто он теперь точно знает, что такое счастье.

— Так хочешь узнать, во что черные юмористы превратили финал трагедии Шекспира?

— Ну?.. — весь сияя от нового доказательства ее любви, пролепетал Максим.

— Давай, говори первую часть фразы.

— Нет повести печальнее на свете... — заунывно продекламировал он.

— Стоп! А теперь я продолжу, — сказала она и тем же, что и он, тоном произнесла: — Чем повесть о минете в туалете, — и захохотала.

Несколько шокированный герой спросил, едва скрывая досаду — ведь сейчас его новое счастье было практически испачкано дурно пахнущим содержанием этой шутки:

— И чего ты находишь в этом смешного?

— Как чего? Ты прикинь. То, что сейчас было... было в туалете?

— Ну да...

— То, что я делала, как называется?

— Ну, м-мин...

— Во-во, — не дала ему закончить девушка. — А меня как зовут, не припомнишь?

— Юля, — покорно ответил он.

— Нет-нет, полное имя?

— Ну, Джульетта...

— Да! Да! — торжествующе вскричала Юля на весь зал. — Ты же видишь, все совпадает. Все точно как в той переделке! И Джульетта, и туалет, и минет... Вот то-то и смешно!

— Действительно, — попытался улыбнуться Максим. — Однако там есть еще «нет повести печальнее»...

— И это сейчас будет, — вдруг посерьезнела его любимая. — Мы с тобой расстаемся сегодня. И то, что было в туалете, — мой тебе прощальный подарок ко дню рождения.

Максим оцепенел.

— Я уезжаю.

— Надолго? — только и сумел вымолвить он.

— Не знаю. Может, на две недели, может, на месяц... или больше. Не знаю. Я думаю, что мне пора изменить свою жизнь. Ты, главное, меня не ищи. Не надо. Если сложится — встретимся как-нибудь потом.

Джульетта никогда не сжигала все мосты. Один, маленький, оставляла. Так... На всякий случай. Мало ли что...

Она протянула Максиму маленький белый конверт.

— Здесь не читай. Я сейчас потихоньку уйду, а то, что там написано, прочтешь дома. Прощай, родной... — И она поцеловала ошалевшего Максима в лоб. Как сына, как брата...

Дома Максим прочел убийственные слова: «Я не сказала всего. Мы расстаемся навсегда. Я уезжаю с итальянским певцом Джузеппе Романо. Вернее, уплываю на его яхте. Быть может, мы с ним поженимся. Не забывай меня. Все ведь было хорошо, правда?»

«Мы расстаемся навсегда», — мрачно процитировал ее письмо и соответствующую песню Максим. «И чего они так радуются, — некстати подумал он, — когда поют это? "Прощай, от всех вокзалов..." и так далее. Чего они так ликуют от того, что расстанутся? Что певец, что автор... Или радуются, что наконец-то от нее избавились?»

Максим думал так, пока горе не настигло его окончательно. Его глубину он почувствовал лишь на следующий день. И оказалось, он настолько завяз в своей губительной страсти, что стало страшно. Он — полноценный, красивый, талантливый человек, делающий стремительную карьеру в актерской профессии, да, ко всему прочему, умный и ироничный — вдруг совсем ослабел, и ему стало даже казаться, что потерял смысл жизни. Все куда-то ушло, все мысли, память, планы на будущее, все испарилось, все, кроме подлой Джульетты, исковеркавшей всю его жизнь. Разбитое сердце Максима Зимина вполне медицинским образом реагировало на происшедшее. Его кардиограмма показала и тахикардию, и перебои, и аритмию, что, кажется, одно и то же, а кроме того, кардиограмма его поведения из стабильной и уверенной обрела черты крайней депрессии и даже склонности к суициду, а точнее — к рассмотрению его, суицида, возможности. В голове все время назойливо звучали фрагменты песен о несчастной любви, в которых постоянно ставился один и тот же вопрос: «Как теперь без тебя?» Звучал безжалостный приговор: «Я не могу без тебя». Песни

эти к тому же снабжены тафнами, бьющими прямо в разбитое сердце метафорами вроде «Без тебя — как без птиц лето» и т. д. и т. п. Вечная тема неразделенной любви, любовного предательства и «растоптанных цветов» — самая любимая в нашей песенной лирике. И Максим, всю жизнь издававшийся над такими песенными штампами, вдруг почувствовал в них не только пошлость, но и искренность, и неподдельное горе. Ведь правда: мир без нее, без этой коварной изменщицы, стал действительно пуст, бесцветен и безмолвен! «Все ненужным сразу стало без тебя», — думал он задолго до сочинения этого нетленного песенного шедевра. Пусть банально, да, но банально и избыточно ведь потому, что верно!

А что же до самоубийства, он в один очередной печальный вечер у себя дома поставил перед собой ополовиненную бутылку коньяка и храбро решил додумать эту мысль до конца и сегодня же с ней покончить — либо в одну сторону, то есть отказаться разом и навсегда выбросить из головы, либо... вниз, с пятого этажа.

Вот что делает любовь проклятущая, ненастоящая, бесовская! Но, слава богу, от второго варианта Максим после еще двух доз коньяка и получасового размышления отказался. Хватило в этот раз ума и чувства самоиронии. Он думал: самоубийство — мерзость хотя бы потому, что это неправомерный бунт человека против природы, бога, против естественного, органичного течения жизни, событий. Бунт такой же нелепый, как идея повернуть вспять сибирские реки. Идиот, который это придумал и возомнил себя царем природы, не понял, что он не царь природы, а ее часть, причем не самая лучшая. Ты не сам рождаешься, тебе подарена жизнь, и не ты ее хозяин. Это тебе только кажется, что ты хозяин, и не тебе ее отнимать.

«Да-да, слабость, заносчивость, гордыня, — думал Максим в правильном направлении. — А потому — мерзость!»

И он налил себе еще полстакана. Надо жить, как бы больно тебе ни было. Переживать, даже страдать, но жить, а реке — течь в своем русле. Жизнь — это, наверное, такой редкий дар бога, что поднимать на нее руку — по меньшей мере бестактность по отношению к Творцу. Потому и церковь относится к суициду с категорическим отрицанием, как к одному из тяжелейших грехов.

После вновь принятых ста граммов Максим расслабился, отвлекся ненадолго от душевных ран, и ему удалось перенастроить свой уставший от переживаний мозг на философские обобщения.

И тут он набрел на главный итог, главный вывод из сегодняшних рассуждений. А ведь так умереть,

это-за такое умереть — просто-напросто стыдно! Это сродни какой-то психической аномалии или истерике, а может, и тому и другому! Так или иначе — отдает чем-то весьма дамским, и если дам еще как-то можно понять в этом случае, то мужчину, завершившего свою жизнь по такой постыдной причине таким постыдным способом, понять сложно, в лучшем случае ему можно посочувствовать. Маяковский — ни при чем, там не из-за несчастной любви...

Максим после этого глубокомысленного диалога с самим собой потихоньку начал выздоравливать. Еще через пару дней он почувствовал, что немного отпустило, что такой жестокой ломки уже нет, и помчался к малознакомому, но авторитетному психоаналитику, чтобы укрепить отвоєванные немного позиции и окончательно расстаться с прошлым в лице антишекспировской Джульетты. Ушел он от него смеясь и с твердой надеждой на то, что теперь и сам справится. Хищная лапа неутоленной страсти, которую он долго принимал за любовь, постепенно разжималась, отпускала, удалялась и превращалась в воспоминание. После психотерапевтической беседы со специалистом Максим, возвращаясь домой и даже отвергая намерение купить спиртное, без которого не жил последние недели, — не волевым усилием отвергая, а просто осознавая, что сегодня уже не нужно, — вспоминал их забавную беседу и довольно смешные рекомендации популярного врача. Ну почему, ну почему эксперты в области любви, секса и семейных отношений в большинстве своем очень некрасивые люди (что женщины, что мужчины)? Хотя, может, в этом-то все и дело — они нелюбимы, и даже секса с ними никто не совершает. Так хоть поговорить, порассуждать на эту тему...

В общем, Максим не без труда, но поправился. Уже вспоминал ее не ежеминутно, как раньше, потом — не каждый час, затем — не каждый день, а потом и вовсе — не каждую неделю. И тут она позвонила...

Максим не ожидал, но с удивлением обнаружил, что совсем не взволнован. Даже чуть-чуть!.. Через длинные, тяжелые паузы, запинаясь на каждом слове, как бы не зная, о чем надо говорить и как приступить к главному — зачем, мол, звоню? чего хочу? звоню, чтобы что?.. — Юля-Джульетта начинала этот телефонный разговор, даже не стараясь быть оригинальной и неожиданной, как в начале их отношений. Ничего похожего на «сердце кружится» (чем она спровоцировала в Максиме первый импульс любопытства и мужского внимания) сейчас не было. Ей самой было мерзко и неу-

добно спросить его: «Ну, как живешь?» И затем в том же духе: «Как дела?» Но она все равно спросила за неимением подходящего ресурса для общения. И на первый, и на второй вопросы Максим ответил вполне протокольно и скупое: «Спасибо, ничего, нормально», чем еще больше поставил ее в неудобное положение. Однако помогать ей выпутываться Максим был вовсе не намерен. Он слушал, как она пытается обрести свой прежний уверенный тон, стать лидером, режиссером разговора и как у нее ничего не выходит. Без глупого мстительного наслаждения он слушал эту агонию мысли и гениального в прошлом женского кокетства. Он определенно знал, чем она продолжит, и заранее знал, чем все закончится. И когда Юля приступила к извинениям, она вновь споткнулась, сказав фразу, которую через десятилетие стали повторять во многих фильмах: «Это было совсем не то, что ты думаешь». И дальше: «Меня просто снесло», «Это был какой-то ураган». Юля попыталась стремительно броситься в трагический монолог о нелегкой женской судьбе, но тут же споткнулась второй раз, сказав глухо и горько: «Да, Максим, я страшно любила и страшно ошиблась».

— Правда? — усмехнулся Максим. — Именно эту фразу ты мне сказала при первом нашем свидании.

— Да? Серьезно? — растерялась Юля.

— Конечно. Ты просто забыла. Вероятно, ты так много раз страшно любила и страшно ошибалась, что это стало устойчивой формулой твоих отношений с мужчинами.

— Наверное... Хотя, если честно, моих страшных ошибок было совсем немного. Гораздо больше у моих мужчин со мной...

— Да, — помолчав, отозвался Максим, — любишь ты действительно страшно.

— Прости меня, ну пожалуйста!..

— И что? Что это изменит?..

— Не знаю... И все же прости, если сможешь...

— Да за что, Юля, бог с тобой? Разве кролик прощает удава, когда тот его душит и заглатывает? Как можно прощать или не прощать ястреба за то, что он охотится на суслика? Съедаемому суслику и в голову не придет пискнуть ястребу напоследок: «Я тебя прощаю...» Все просто: ястреб и удав по природе такие, а суслик и кролик — другие. Так что мое прощение тебе не нужно. Но если хочешь — пожалуйста. Я отпускаю тебе грех со мной. Иди с миром... — не без иронии добавил он.

— Значит, все?

— Да, все...

— И никакой надежды?

— Ох, да перестань ты, наконец! Все же ясно!

— У тебя кто-нибудь есть? — Юля не могла не задать такой важный, такой женский вопрос.

— Нет, пока нет, — честно ответил Максим. — Но это не имеет никакого значения.

И он положил трубку, опасаясь, что она будет продолжать этот никчемный и мучительный диалог.

ГЛАВА 5. ШУТКИ ФОРТУНЫ

После той лирической травмы у Максима ничего серьезного с женщинами не случилось. Кратковременные связи — не в счет. Теперь он все реже вспоминал о своем в ту пору разбитом вдребезги сердце, осколки которого целых полгода царапали его душу. Теперь, лежа на постели в ожидании своего юбилейного спектакля и бенефиса в его честь, он подробно, в деталях вспомнил ту историю, так как понимал: надо это воспоминание исчерпать до последней капли, покончить с ним и выбросить из памяти навсегда. И оно теперь было исчерпано. Его подытожила опять-таки песня из всеми любимого фильма, в которой каждое слово буквально кричало о Максимовом любовном несчастье. Вы только вдумайтесь: «Сердце гибнет в огнедышащей лаве любви». Максим произнес про себя эту цитату и ухмыльнулся. Да, теперь-то он совсем свободен и в эту «лаву» больше — ни ногой! Теперь шиш им всем — хищницам, обольстительницам и бабам-вамп! Теперь установка будет другая... Как мечтательно написал один превосходный поэт, когда «будет любовь неразрывна с покоем, мы будем прекрасны, мы будем прекрасны». И хоть это, конечно, стопроцентный идеализм, но в нем есть что-то удивительно доброе и правильное.

«Теперь буду, — подумал Максим, одеваясь, — проверять отношения с женщинами только вот этим: возможны ли с ней любовь и покой, без тряски, обмана, истерик, — только надежность, верность и понимание».

Одевался он быстро, потому что было уже пора, он почти опаздывал на собственное торжество. Что-то смутно шевельнулось в душе артиста... Нет, нет, это не было предвкушение праздника, его предчувствие не поддавалось анализу. Одно было несомненно и ясно: то было интуитивное ожидание чего-то необыкновенного и хорошего. Обязательно хорошего, которое непременно должно сегодня случиться...

В театре Максима встретили цветами. В фойе висел его огромный портрет, под которым была

табличка: «Заслуженный артист М. Зимин. Художник Н. Софронов. Масло. Елей. 2015. Весна. Пора любви». Актрисы труппы просто осыпали его комплиментами, цветами и милыми плюшевыми зверушками, к которым, похоже, все женщины имеют слабость — с детства до глубокой старости. К тому же они думают, что и мужчины разделяют с ними эту любовь, только скрывают, чтобы никто не усомнился в их мужестве и брутальности. Что и говорить, Максим был в своем

театре по-настоящему любим. И еще — уважаем за свои профессиональные качества. Все хорошо, ребята! Пошли играть спектакль.

Спектакль был сыгран отменно. Зрители тоже знали, что за событие сопровождает сегодняшний спектакль, и устроили юбиляру в конце настоящую овацию. После антракта герой уселся в директорскую ложу и стал смотреть концерт, который для него приготовили его друзья и артисты. А в начале, выйдя на сцену, директор театра сказал, мол, мы

хотим возродить старую театральную традицию бенефициант, которая предполагает вручение бенефицианту всей суммы сбора от сегодняшнего спектакля. И по рядам передал Максиму пухлый конверт.

— Деньги в конверте, — пошутил директор, — и поэтому наша валюта сегодня — конвертируемая.

Еще был капустник, шуточное попурри из всех спектаклей театра, в которых Максим участвовал. А еще группа самых красивых и просто хорошеньких актрис спела музыкальные дифирамбы герою, с недвусмысленным предложением себя в конце каждого куплета.

Максим нам всем необходим!

Красив, талантлив и любим.

Но одинок, и мы хотим

Решить: кто все же будет с ним.

Максим был смущен, встал со своего места, приложил руку к сердцу и послал девушкам воздушный поцелуй, который репетировал с утра. Оказалось — не зря. Пригодилось. Тем не менее внятного ответа от холостяка никто не дождался. Девушки, убедительно отыграв разочарование, удалились за кулисы. Одна из них даже стала, уходя, вытирать глаза.

«Талантливая молодежь, — усмехнулся про себя Максим, — порадовали старика. Достойная подрастает смена». А дальше он подумал уже вполне серьезно: «Ох, поскорее бы все это кончилось. Мне говорили, что юбилей — это тяжело, но я не знал насколько. Ну ничего, сейчас переживем банкет с тостами — и домой».

И вот началась финальная часть вечера. Максим и не знал, что будет не банкет, а фуршет, то есть когда не сидят за столами, а стоят или прохаживаются. Берут себе всякую снедь и никуда не садятся. «Так решила дирекция, но это и хорошо, — подумал Максим, — все быстрее закончится. Пережить спокойно и вступить в Новый год». Максим уже давно поздравлял друзей не с днем рождения, а с их персональным Новым годом. Это его нововведение потом подхватили многие. А что касается друзей, то с ними вечеринка была намечена на завтра. Узкий круг и ни одного артиста. Друзья детства и более поздние, но те, с которыми Максиму было по-настоящему интересно и на которых он мог всегда положиться. В любой момент, в любую тяжелую минуту. Их было немного, но вполне достаточно для того, чтобы жизнь не просто казалась, а была надежной и честной.

Еще во время концерта он обратил внимание на очень красивую женщину лет тридцати, которая сидела в тринадцатом ряду партера, вдалеке от той ложи, где он восседал и слушал дифирамбы. Странно, что такая особа сидела, по-видимому, одна, никакого спутника рядом с ней не было. Что-то кольнуло тогда в области нетронутого новой любовью сердца юбиляра, но он отвлекся и сосредоточился на том, что происходило на сцене. Однако она не могла не запомниться, уж очень была хороша собой. Через какое-то время Максим еще раз скопил глаза в сторону заинтересовавшей его женщины и... не увидел ее, ее место было пусто, она, стало быть, ушла. Юбиляр вздохнул и с удивлением констатировал, что огорчился, хотя огорчаться было не из-за чего, они ведь даже не были знакомы, а она и вовсе ни разу не посмотрела в его сторону.

И все же... от судьбы не уйдешь. А вы, вероятно, уже догадались, что эта женщина появилась в рассказе не случайно. Появилась она сначала в зале, вызвав в душевном вакууме Максима, в его остывшем, пустом, безлюбном сердце какую-то тень чувства: быть может, интереса, любопытства, зародыш симпатии — и только. Но все же, все же... Затем она исчезла, опять вызвав слабую, но все-таки эмоцию: огорчение, досаду, короткую и тут же почти забывшуюся... И вдруг он увидел ее вновь на фуршете. Обрадовался — обрадовался до того, что сам подошел к ней с бокалом, чтобы познакомиться. Она стояла и чуть-чуть улыбалась так, будто ждала, что он подойдет, знала.

— А я уже думал, что потерял вас, — сказал Максим, приблизившись. Без кокетства, флирта для последующего съема молодой и красивой женщины. Он сказал это просто, без умысла, сказал то, что думал, что будто само вырвалось.

— Что значит «потеряли»? — как ему показалось, с легкой насмешкой ответила она. — Чтобы что-то потерять, надо, вероятно, чтобы оно у вас уже было... А я разве у вас была?..

Максим смутился, но, как уже состоявшийся мастер сцены, взял себя в руки.

— Не знаю, может, и не были, но ощущение такое, будто были... Или, значит, хотелось, чтобы были... — И тут же глуповато представил: — Максим.

Она засмеялась.

— Спасибо, я знаю... Как и все вокруг. — Потом протянула руку и, чуть запнувшись, назвала свое имя: — Св... Светлана.

Он любовался ее лицом, не выпуская руки, которую ей самой пришлось мягко освободить.

дочь. А любоватьсь было чем... Бывают, знаете ли, такие женские лица, которые не бросаются сразу в глаза яркостью, цветом кожи, искусным макияжем и прочим. Но они обладают редким свойством: сначала они привлекают внимание тонкостью черт и простой, некрикливой красотой, а потом чем больше всматриваешься в это лицо, тем сильнее оно начинает нравиться. Вот и у Светланы было такое же. И одеваются эти женщины так же — ничего кричащего и яркого, а только благородная простота, стоящая, как правило, больших денег.

— Вы одна? — с бестактной прямоотой спросил Максим.

— Как видите, — был ответ.

— Ну тогда... тогда... — Максим, как бульдозер, пер напролом, не заботясь ни о каких правилах поведения. Его несло, и он никак не мог остановиться. Да, признаться, и не хотел. — Тогда... Знаете что... Мне тут уже порядком осточертело. Протокол уже соблюден, и если я отсюда потихоньку отвалю, никто и не заметит. А вы... не могли бы составить мне компанию? — и замолчал, с тревогой вглядываясь в такое милое лицо и опасаясь, что она сейчас возмущенно откажется.

Но Светлана неожиданно и просто согласилась.

— Давайте, — сказала она, — только по одному. Сначала выйду я, а потом незаметно вы через две минуты, и ждите на улице, у выхода, я подъеду.

— Хорошо, — уже нешуточно волнуясь, говорил Максим. — Только давайте сначала решим, куда пойдём. В ресторан какой-нибудь? В саду «Эрмитаж» есть один, там мало народу. Пойдём?

— Не надо, — возразила Светлана, — мы не пойдём, а поедём. На моей машине.

— И куда же мы?.. — растерялся он от такого неожиданного предложения.

— Я приглашаю вас к себе на дачу, — нарочито торжественно произнесла она, — для продолжения банкета и праздника.

«Ни фиги себе, — подумал Максим, разочарованный легкостью победы. — Так сразу?.. Так быстро?» А вслух неуверенно произнес:

— Но это...

— Это ни к чему не обязывает, — прервала его Светлана резко. — Только праздник, а не то, что вы подумали. Интим не предлагать. Согласны?

— Конечно, — ответил артист. — Кто бы отказался!

И она пошла через фойе к выходу, и вслед ей многие мужчины, пришедшие с женами, оборачивались, рискуя потом нарваться на семейный скан-

дал. А через две минуты пошел и он, пробираясь за спинами гостей и стараясь быть незаметным. Никто и не заметил. Лишь наиболее приставучая из актрис — соискательниц его внимания догнала Максима у самых дверей и внаглую предложила:

— Макс! Давай убежим! Поехали ко мне!..

Женская активность в этих вопросах давно уже злила консервативного Максима, да и форма предложения была слишком похожа на предыдущий эпизод со Светланой, хотя лишь только карикатурно похожа — не то, не то! Поэтому он грубо убрал от своего лица ее руку, протянутую в нахальной попытке погладить его по щеке, и с убийственным сарказмом переспросил:

— Убежим, говоришь? Поехали к тебе, говоришь? Да? Забудь! Я уже убегаю. Но не с тобой! И уже еду. Не к тебе, а к другой! И не лезь больше ко мне! Ясно?!

Девушка осталась у выхода, сразу постарев лицом и опустив плечи. Как же тут не вспомнить в очередной раз песню: «Так уж бывает, так уж выходит: кто-то теряет, а кто-то находит!» Расстроенную и потерявшую веру в себя актрису мы оставим у выхода, ибо она — всего лишь проходной персонаж в нашей мелодраме. Ничего, ничего, она справится, она еще найдет свое счастье, еще кому-нибудь непременно предложит, может быть, даже сегодня: «Поехали ко мне», и тот радостно согласится. А нам необходимо, не задерживаясь, двигаться дальше — к самому интересному.

Максим выскочил из театра, оглядываясь по сторонам в поисках своей вновь обретенной надежды на любовь и заодно — ее машины. Она помахала ему рукой из двухместного белого «мерседеса» с открытым верхом, он уселся рядом с ней, и они помчались на ее дачу. Ее рыжеватые волосы развевались на ветру, она чему-то загадочно улыбалась, изредка поворачиваясь к Максиму, а он не мог от нее отвести взгляда. Она была прекрасна...

Когда приехали, она продолжала почему-то (или чему-то) все время улыбаться. Они вошли в просторную гостиную. На столе стояли, будто заранее приготовленные, шампанское и фрукты.

— Ну вот, осваивайтесь, а я пока кофе приготавливаю, — сказала она, все так же загадочно посмеиваясь. — Хотите — дом посмотрите. Тут на первом этаже несколько комнат, гостевые комнаты, везде своя ванная и туалет. Погляди-те пока. — Она будто подталкивала его к просмотру, к экскурсии по дому. — А хотите, нач-

ните со второго этажа. Там, пожалуй, самая красивая в доме гостевая комната. Как поднимитесь по лестнице — первая дверь направо. Она открыта. Идите.

И Максим послушно пошел на второй этаж. Он вошел в рекомендованную комнату, остолбенел... И остался так стоять, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Он внезапно понял, что это была за дача и комната, в которой он провел в плену много дней. Там все было так же, как пятнадцать лет назад. Ничего не тронут. Будто какой-то странный музей имени М. Зимины. Услышав сзади смехок и реплику: «Узнали?» — Максим обернулся. На пороге комнаты стояла она.

— Дуня... Это ты?.. — задохнулся он. — А вот это... Почему Светлана?

— А это чтобы ты не сразу догадался, — все еще смеялась она. — А теперь отомри, и пойдём вниз. У меня для тебя есть подарок ко дню рождения. Пойдем. Подарок со значением.

Она взяла его за руку, и они спустились на первый этаж. Мнимая Светлана, а теперь уже Дуня, подошла к полке и достала очень старую на вид книгу, упакованную в папиросную бумагу и прозрачный пластик. Подошла к юбиляру, Дуня протянула ему эту книгу и сказала:

— Возьми. Это прижизненное издание «Героя нашего времени» классика отечественной литера-

туры — Михаила Юрьевича Лермонтова. С авторграфом автора.

Максим ошалело смотрел то на книгу, то на Дуню и не брал. Потом не нашел ничего лучшего, чем сказать полушутя:

— Спасибо, но я это уже читал.

— Я тоже, — сказала Дуня, — много раз. Но вначале мне ее читали. Вслух. И с выражением.

— Подожди, — приходил в себя наш герой, — я понимаю, что книга — лучший подарок. Особенно такая. Но ведь это дикие деньги...

— Ничего, — успокоила его Дуня, — я теперь обеспеченная дама. Могу себе это позволить. С днем рождения, Максим! Возьми.

Она подошла ближе, вложила книгу ему в руки, с осторожной нежностью обняла его и повернула лицо так, чтобы ему было удобно коснуться губами, если он вдруг захочет... А потом... А что будет потом — дофантазируйте сами, мои дорогие друзья, если вам вся эта история показалась интересной и заслуживающей продолжения. Настолько, что вы и сами можете продолжить тем, что сочтете правильным и справедливым.

Позволю себе лишь один намек, выражающий мою личную точку зрения! Мне почему-то кажется, что потом у них все — будет — очень — хорошо!

